Левшин В. А.

Сказка 2.

О цыгане.

Хотя известно, что цыганы домов не имеют, а весь свет служит им ночлегом; однако неизвестно, каковым случаем жил в некоторой деревне цыган своим домом. Случилось ему ехать в лес за дровами, куды он прибывши, влез на высокий дуб, желая обрубить на оном ветви. Но был столько глуп, что начал рубить самую ту ветвь, на коей стоял. Когда упражнялся он в сей работе, ехал мимо него русский мужик также за дровами и, приметя оную цыганову глупость, сказал: "Цыган! Что ты делаешь? Ведь ты убьешься!" – "А ты что за чёрт? – отвечал ему цыган; неужли ты вещун? Почему ты ведаешь, что я убьюсь? Поезжай, куды едешь". – "Ну! Хорошо, – сказал мужик, – будешь ты и сам скоро не лучше чёрта". – "А убирайся ж до матери вражей", – говорил цыган, продолжая рубить. Мужик удалялся, но не отъехал еще ста сажен, как подрубленная ветвь оборвалась с цыганом, который хотя был не пернатый, но слетел проворно; только садиться на землю, сказывают, было ему неловко. По счастью убился он не больно. Полежав несколько и опамятовавшись, побежал он, как бешеный, догонять мужика, говоря притом: "Конечно, мужик сей был вещун, что узнал о моем падении!" Догнав оного, стал пред ним на колени и просил объявить, скоро ли его смерть будет. Мужик, приметя глупость его, выдумал над ним пошутить. "Очень скоро конец твой, – сказал он ему. – Вот когда ты, наклад воз дров, повезешь домой и, поднимаясь на известный тебе крутой пригорок, кобыла твоя трожди испустит ветр, тут твоя и смерть". Бедный цыган завыл голосом, тужил и прощался заочно со своей родней, с домом и лошадьми. Считая ж судьбу свою неминуемою, приготовился расстаться с светом. Пошел он к своей лошади, наклал воз дров и поехал домой весьма тихо, ведя лошадь под узду, а на гору пособляя. Приближаясь к крутому пригорку, лошадь его поднимаясь, дважды уже испустила ветер. Цыган от того был едва жив и кричал в отчаянии: "Прости, моя мать – сыра земля! Прости, женка, детки! Уже я умираю!" Но, взъехав на гору, ободрился, думая, что мужик солгал ему о смерти. Он, сев на воз, стегнул лошадь плетью, которая, подернув воз, гораздо громко выпалила. Тут цыган вдруг упал с воза, сказав: "Теперь-то уж я за истинную умер". И так лежал на земле неподвижно. Лошадь его сошла с дороги в сторону и начала есть траву. Уже смеркалось; цыган не думал встать, считая себя мертвым. Около полуночи пришли волки и, поймавши лошадь, начали есть. Цыган при месячном сиянии, видя сие, приподнял голову и, покачавши оною, говорил: "Ну, если бы я жив был, я сбегал бы домой за ружьем и всех бы сих волков побил, а шкуры бы выделал и сшил бы себе добрую шубу". Потом опять растянулся в положении, пристойном мертвому. Волки, конча ужин, разошлись, а цыган лежал до самого утра. На зоре ехал мимо оного места драгунский объезд. Бывший при оном капрал, увидя лежащего человека и близ оного съеденную лошадь, счел и его за мертвого. Для чего и послал одного из подчиненных своих осмотреть, а сам, остановясь, дожидался. Драгун, подъехав и увидя, что лежит не мертвое тело, а живой цыган, спросил его: "Что за чёрт ты?" Цыган, вскинув на него глазами презрительно, сказал: "Много ли у тебя таковых чертей! Ты не слеп, что я мертвый". Драгун, рассмеявшись, отъехал и донес капралу, что он нашел не мертвое тело, а живого цыгана, который называет себя мертвым. "Постойте ж, ребята, – сказал капрал, – мы тотчас его воскресим". Итак, подъехав, велел драгунам слезть с коней и, заворотя кафтан, сечь его

плетьми. Драгуны начали; цыган молчал. Но как проняли его гораздо, он говорил сперва: "Пане капрале, чуть ли я не жив". Однако, не дождавшись ответа, вырвался у них и побежал домой. Приближаясь к деревне, встретился он с мертвым телом, которое несли погребать. За гробом шла горько плачущая мать умершего. Цыган прибежал к ней, запыхавшись, и, заскочив с глаз, вскричал: "Пожалуй, не плачь, старуха. Если хочешь видеть сына своего в живых, вели его несть на тот проклятый Крутояр, там и я был мертв, да ожил". Оказав старухе столь важную услугу, пошел он спокойно в дом свой.

Чрез несколько недель случилось сему цыгану быть в городе. В то время одна цыганка ходила просить к воеводе за непочтение на сына. Воевода послал с нею рассыльщиков, чтоб сына ее привели. Цыганка сия, идучи домой, пожалела о сыне своем и, не хотя ввести оного в побои, не знала, что делать. По бессчастию встретился с ними оный, недавно из мертвых восставший цыган. Тогда она показала рассыльщикам на него, сказав им, что сей сын. Тотчас схватили его под руки и потащили к воеводе. По приведении пред судиею, начал оный говорить ему: "Для чего ты не почитаешь мать свою?" – указывая на старуху. Цыган, взглянув на нее, закричал: "Чёрт ее возьми! Какая она мне мать!" – "О-хо-хо! – сказал воевода, – так ты и при мне то делаешь, что и дома. Плетей, плетей!" – закричал он. Бедный цыган, как ни отговаривался, не верили ему и, растянув, начали взваривать. Цыган терпел свою участь, но расчел, что ему не отделаться, и закричал: "Ах! Господин воевода! Теперь я признался, что моя мать родимая". – "Но будешь ли ты ее впредь почитать?" – сказал воевода. Цыган клялся ему в том от всей цыганской совести. Воевода согласился ему поверить, приказал перестать; но в знак покорности и смирения велел ему мнимую мать свою нести на плечах своих до дому. Цыган не смел противиться и потащил оную на руках с двора воеводского. На дороге встретился с ним мужик из той деревни, откуда и сам он был, который спросил его, какую он ведьму везет на себе. "Ши... Молчи, молчи, сосед, – отвечал цыган. – Се моя родная матушка". – "Какая твоя родная матушка: я знаю, что у тебя оной нет", – сказал мужик. "Поди ж спроси у господина воеводы, – продолжал цыган, – он был на моих родинах". И так донес цыган старуху, куда она приказала, и не ходил уже в город, коим начальствовал толь прозорливый воевода.

1781 г.

Левшин В. А. "Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие, оставшиеся через пересказ в памяти приключения". Ч. 2. М., Унив. тип. у Н. Новикова, 1781 г. С. 24 – 32. "Указатель", *1610 I ("И чужую мать матушкой назовешь").

Добродушно подсмеиваясь над глупостью цыгана, сказка в то же время не без лукавства и иронии изображает скоропалительный и неправый суд воеводы, что переключает ее в план популярных сатирических повестей XVII–XVIII веков типа "Шемякин суд".

Источник текста: *Померанцева Э.В. (отв. ред.), "Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI-XVIII века)", Л. "Наука", 1971 г. С. 72 - 74, 271.*